
Политический дискурс

Керенский как фантом русских революций 1917 года

Глазами русских поэтов и писателей

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-170-198

Владимир Карлович Кантор

доктор философских наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Международная лаборатория русско-европейского интеллектуального диалога (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

(105066, Россия, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4;

email: vlkantor@mail.ru)

Аннотация. В своей статье Владимир Кантор рассматривает трагическую и переломную ситуацию в России, когда русская литература искала героя, который смог бы вывести страну из катастрофы. В центре ее внимания начиная с марта 1917 года оказался Александр Керенский. Изменение отношения русских литераторов к этому историческому персонажу в известном смысле дает понимание движения русской беды от Февраля к Октябрю, от Временного правительства к Ленину и большевикам.

Ключевые слова: А. Керенский, Б. Савинков, Февральская революция, русские поэты и писатели, парвеню, победа большевиков.

Статья поступила 24.09.2017.

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

1917 год был одним из самых страшных в русской истории первой четверти XX века. Разрушительная война, распад империй, десятки и сотни тысяч погибших. Затем мировая война, которая переросла в России по замыслу Ленина в гражданскую. А далее возникновение страшных тоталитарных режимов — в России и в Европе.

Но это потом. Поначалу практический путь к попыткам революционного преобразования мира шел от русских революционеров, желавших одним махом разрешить весь невероятный узел противоречий, в котором запуталась Россия. Еще Достоевский писал, что русский человек желает все беды преодолеть одним махом, одним разом.

В этой ситуации начинают возникать фантомы, которые кажутся публике, обществу, да и народу (солдатам прежде всего) путеводными звездами во мраке военной катастрофы. Им верят, причины их популярности просты: они кажутся самостоятельными, а потому видящими сквозь мрак, видящими, куда можно вести страну, ее будущий путь. А для населения это важнее всего. После политических лидеров стоят те, кого называют властителями душ, духовности, как хотите назовите. Русские писатели, особенно крупные, всегда пытались угадать героя, который определил бы собой тип человека, могущего обустроить Россию. Гоголь во втором томе «Мертвых душ» вопрошал:

Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: *вперед?* кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановением мог бы устремить на высокую жизнь русского человека <...> Но веки проходят за веками; полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлют непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произносить его, это всемогущее слово.

Фраза эта была весьма популярна в публицистике 50—60-х годов XIX века. Конечно, Гоголь не ожидал, не звал революции, но проблему задал. И тут пришла февральско-мартовская смута, отрекся от престола царь, по общему пониманию оказавшийся слабым правителем. Это радикалы назвали революцией. Хотя, как пишут все

исследователи, революционеры не сделали ничего. По замечательно точному наблюдению Солженицына, «в совершении революции ни одна из революционных партий не проявила себя, и ни единый революционер не был ранен или оцарапан в уличных боях <...> Так революция началась без революционеров» [Солженицын 2016: 10]. Карнавалльно-бесовское начало, дьяволов водевиль, где лица заменены личинами, увидел Федор Степун в революции 1917 года. В эту оргиастическую эпоху, писал он,

начинается реализация всех несбыточностей жизни, отречение от реальностей, погоня за химерами <...> Мечты о прекрасной даме разрушают семьи, прекрасные дамы оказываются проститутками, проститутки становятся уездными комиссаршами <...> Развертывается страшный революционный маскарад. Журналисты становятся красными генералами, поэтессы — военморами <...> В этой демонической игре, в этом страшном революционно-метафизическом актерстве разлагается лицо человека; в смраде этого разложения начинают кружиться невероятные, несовместимые личины [Степун 2000b: 394].

«Демонизм заразителен, потому что масса менее креативна, нежели индивид» [Смирнов 2015: 265]. Но в эту эпоху креативные личности тоже оказывались демонической породы. В сущности, они были фантомами, убивавшими самих себя. Но главные фантомы появились на сцене позже. Это Керенский и Ленин.

Стоит отметить литературный контекст их детской родины. Это волжский город Симбирск, откуда родом Николай Карамзин, Иван Гончаров, Николай Языков, Денис Давыдов, Сергей Аксаков, Дмитрий Григорович. Да и Ленин в графе «профессия» писал о себе: литератор. Карамзин пытался выстроить историю России, вписав ее в контекст европейской. А два симбирских гимназиста, Владимир, брат террориста Саша Ульянова, и сын директора гимназии Федора Керенского Александр Федорович, думали реально строить русскую историю. Отец последнего выдал Владимиру золотой аттестат, несмотря на казненного брата. Как и Владимир Ульянов, сын директора гимназии поступил в

юристы, но в отличие от Владимира закончил полный курс, стал успешным и прогрессивным адвокатом, защищал оклеветанного еврея Бейлиса против кровавого навета, чем приобрел сторонников среди либералов, восхитившихся смелым адвокатом. Революция вроде готовила ему лавры Робеспьера.

Поразительно, что царя вынудили отречься не только буржуа — члены Госдумы, но и ведущие генералы русской армии: Рузский, Алексеев, Колчак, Брусилов, — убежденные интеллектуалами — Родзянко, Милюковым, Гучковым. Даже монархист В. Шульгин был среди принимавших отречение. По сути это было военным преступлением — заставить царя и главнокомандующего во время страшной войны бросить страну и армию. Армия без военачальника распадается. Но словно ослепление и давно тлевшее раздражение ударили по императору. Давления генералитета император не выдержал. 2 марта он подписал отречение в пользу брата Михаила. Кстати, возмездие за это непонимание ситуации не заставило себя долго ждать. Скажем, генерал Рузский, похвалившийся перед темным сбродом солдат, что заставил императора отречься, был убит (зарублен) большевиками 19 октября 1918 года в составе группы заложников на краю Машука.

Но еще оставался шанс — Временное правительство. Хотя революционная Франция показала, что подобное объединение начинает раздираться внутренней борьбой: поначалу уничтожается королевская семья и дворянство, потом объявляется террор и гильотина начинает казнить всех подряд, пока не наводит в стране порядок генерал Бонапарт. И все же состав интеллектуалов, промышленников, людей высокой культуры казался гарантией против повторения катастроф Французской революции.

В первый состав Временного правительства вошли министр-председатель и министр внутренних дел князь Г. Львов (лидер земства), министры: иностранных дел — П. Милюков (кадет), военный и морской — А. Гучков (октябрист), путей сообщения — Н. Некрасов (кадет), торговли и промышленности — А. Коновалов (прогрессист), финансов — М. Терещенко, просвещения — А. Мануйлов (кадет), земледелия — А. Шингарев (кадет), юстиции — А. Керен-

ский (трудовик, с марта эсер), обер-прокурор Синода — В. Львов (центр), государственный контролер — И. Годнев (октябрист).

Формальное председательство, как быстро выяснилось, немного стоило. Ищут реального лидера. Керенский сразу выделился. Он был среди тех, кто подхватил идею отречения и, более того, поддержал отказ великого князя Михаила, которому император во время войны отдавал власть, чтобы страна не осталась без правителя. По словам писателя и ученого В. Тана-Богораза (в очерке о Керенском «Любовь русской революции»),

делегаты Временного правительства вели с Михаилом Романовым переговоры по двойственной линии. Керенский твердо боролся против регентства и всякой монархической кандидатуры. И когда наконец Михаил, утраившись ответственности, подписал отречение, с виду условное, а на деле окончательное, Керенский вспыхнул, подошел к нему и сказал: «Вы поступили, как честный человек!» [А. Ф. Керенский... 2016: 100]

Остальные на такие жесты не были способны. Это четко зафиксировала блистательная поэтесса, писательница и публицист Зинаида Гиппиус:

Как личности — все честные люди, но не крупные, решительно. Милоков умный, но я абсолютно не представляю себе, во что превратится его ум в атмосфере революции. Как он будет шагать по этой горячей, ему ненавистной, почве? Да он и не виноват будет, если сразу споткнется. Тут нужен громадный такт; откуда — если он в несвойственной ему среде будет вертеться?

Вот Керенский — другое дело. Но он один [Гиппиус 2004: 108].

Итак, он — один!

Тан-Богораз писал в том же очерке:

Керенскому давали различные определения. В первые дни переворота его называли «Светлым юношей Револю-

ции». Кстати же, ему всего 36 лет от роду, а выглядит он лет на 10 моложе. И 29 апреля, на заседании съезда делегатов с фронта, во время его поистине трагической речи, один из солдат в страшном возбуждении воскликнул: «Да здравствует гордость России!» [А. Ф. Керенский... 2016: 95]

Поначалу писатели упоены Керенским.

Куприн, писатель временами жестокий и тяжелый, из глубины своего сознания, травмированного ужасами русской жизни, увидел в Керенском почти сказочного народного героя, несущего стране свободу и величие. Недаром он свой текст назвал «Керенский — наш ходок», то есть народный предстатель. Это желание писателя — в каждой его строчке о лидере Временного правительства:

Да. Он свой. Свой вне партий, подпартий, мнений, толков, сплетен, интриг и борьбы низких властолюбивых интересов <....> Он рекомендовал наступление. И наступление будет. Будет не оттого, что этого хочет Керенский. А оттого, что этого хочет народ. Во все времена и у всех народов в години тяжелых испытаний всегда находился тот непостижимый и непосредственный душевный преемник, тот божественный резонатор, тот таинственный выявитель воли народной, что я и называю живым, бьющимся сердцем народа. Керенским руководит его сердце, сердце народа, коллективная воля. Лениным — его личный сухой ум, ум озлобленного теоретика [А. Ф. Керенский... 2016: 234].

Но сильнее прочих, с профетическим пафосом написала о Керенском Марина Цветаева:

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.
Кому-то гремят раскаты:
— Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.
Глаза над улыбкой шалой —
Что ночь без звезд!

Горит на мундире впадом —
Солдатский крест.
Народы призвал к покою,
Смирил озноб —
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

21 мая 1917, Троицын день

Стоит отметить, что в русской литературе помимо восхищавшегося Наполеоном Пушкина, который видел в нем гения, указавшего России ее «высокий жребий» («Хвала! он русскому народу / Высокий жребий указал»), были и резкие антагонисты Бонапарта. Пушкин восторгается французским императором:

Чудесный жребий совершился:
Угас великой человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

Наполеон был наследник Французской революции, но и ее убийца, по слову Пушкина. Трагический герой Германн из «Пиковой дамы» имеет черты Наполеона. Цветаева следует Пушкину. Но уже у Гоголя с Наполеоном сравнивают Чичикова, убийство старухи-процентщицы у Достоевского обыватели называют деянием какого-нибудь русского Наполеона. Затем стало преобладать категорически негативное отношение. Андрей Болконский мечтает о своем Тулоне, чтобы заявить о себе, как генерал Бонапарт. Но Лев Толстой не дает ему бонапартовской победы, а сам Наполеон в «Войне и мире» изображен как французский лавочник. Это двойственное отношение к Наполеону сказалось и в понимании Керенского как Бонапарта.

Но Керенский видит только положительный смысл этого наименования. Фантом, поскольку он фантом, начинает жить и действовать так, как от него ждут поклонники, теряет своя «я». Он окружает себя знаковыми фигура-

ми: военным министром становится знаменитый эсер, террорист и писатель Борис Викторович Савинков (псевдоним — В. Ропшин). Начальником политотдела армии назначается философ и писатель, прошедший Германскую как артиллерист, Федор Степун. Поэт-эсер юнкер Леонид Каннегисер летом 1917 года был личным секретарем Керенского, а 30 августа 1918 года по заданию Бориса Савинкова застрелил чекиста, большевика Моисея Урицкого, прославившегося своими зверствами. О Керенском Каннегисер написал в стихотворении «Смотр»:

На солнце, сверкая штыками, —
Пехота. За ней, в глубине, —
Донцы-казаки. Пред полками —
Керенский на белом коне.

Он поднял усталые веки,
Он речь говорит. Тишина.
О, голос! Запомнить навеки:
Россия. Свобода. Война.

Сердца из огня и железа,
А дух — зеленеющий дуб,
И песня-орел, Марсельеза,
Летит из серебряных труб.

На битву! — и бесы отпрянут,
И сквозь потемневшую твердь
Архангелы с завистью глянут
На нашу веселую смерть.

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о, мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать —

Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню — Россия, Свобода,
Керенский на белом коне.

27 июня 1917. Павловск

«Песня-орел, Марсельеза!» — эти слова говорят о коннотации образа Керенского с Французской революцией.

Белый конь вошел в мифологию первых месяцев правления Керенского. По воспоминаниям современников, когда в июне 1917 года новый военный министр задумал организовать в Павловске смотр местного гарнизона, командующий петроградским военным округом генерал П. Половцев убедил его в том, что объезжать строй нужно непременно верхом. Керенскому подвели огромного белого коня, на котором некогда ездил царь. Прямо-таки новый хозяин России. Да еще призывал к войне до победного конца. Есенин, человек иронического склада, в поэме «Анна Снегина» тоже вспомнил белого коня, но уже с усмешкой:

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над страной калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

Даже Степун, который до конца принимал Керенского со всеми его слабостями, подчеркивал его ориентацию на стиль идеально увиденной им Французской революции:

Описывая выступления Керенского, Суханов в своих «Воспоминаниях» дважды подчеркивает, что Керенский часто бывал на высоте французской революции, но никогда не бывал на высоте русской, что в устах Суханова значит на высоте социальной революции. Этой формуле нельзя отказать в некоторой правильности. В той решительности, с которой Керенский защищал надклассовый, то есть всенародный характер Февральской революции, бесспорно чувствовался чуждый социализму 20-го века пафос. Несмотря на то, что гармонирующая формула свободы, равенства и братства подверглась, в связи с обострением социальных взаимоотношений в 19-м веке, жесткой критике, она все еще переживалась Керенским как некая трехпостасная Истина.

В речах Керенского, как это ни странно, часто звучала какая-то почти шиллеровская восторженность (курсив мой. — В. К.), какая-то юношеская вера в значение личности (а потом и в себя самого) в истории. В сущности, социалист Керенский был гораздо большим либералом, чем либерал Миллюков, не совсем чуждый марксистской социологии [Степун 2000а: 409—410].

Он вошел в список фигур для обязательного портретирования. Самые крупные художники тех лет получили заказ на изображение Керенского. Этот факт тоже попал в литературу — воистину, Керенский был литературным человеком, о нем все время писали литераторы. Скорее всего, он сам, как хозяин страны на тот момент, давал заказы на рисование своих портретов, раздувая миф о себе как новом Бонапарте. Вот и Маяковский:

Пришит к истории,
пронумерован
и скреплен,
и его
рисуют —
и Бродский и Репин.

Но самый либеральный его закон, можно сказать и вправду шиллеровский, оказался самым катастрофическим для России и, естественно, для него самого. Конвент держался террором и гильотиной, а Керенский издал 12 марта указ, отменяющий в России смертную казнь. В военной ситуации, в ситуации разгула бандитизма, падения и развала армии этот указ оказался страшнее самых страшных указов Петра, на которого временами ориентировался Керенский, помяная его в своих бесконечных речах. Он надеялся на силу слова, которая так помогала ему в начале февральского поворота, но жизнь шла дальше.

Его прозвали «главноуговаривающим». Но уговоры перестали действовать на толпу. Толпа ждала силы и приказа. В Тулоне, позвавшем на помощь англичан, молодой капитан Наполеон Бонапарт не уговаривал, а ударил по восставшим и по английским кораблям из пушек ядрами и картечью. Революция была спасена. Восстановления

смертной казни требовал Корнилов, с которым пытался вступить в союз Керенский. И 12 июля 1917 года смертная казнь была восстановлена на фронте за убийство, разбой, измену, побег к неприятелю, сдачу в плен, уход с поля боя и за другие воинские преступления. После Октябрьского переворота II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов был издан декрет от 28 октября 1917 года, вопрекор Корнилову и Керенскому: «Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты и офицеры — революционеры, находящиеся под арестом по так называемым “политическим преступлениям”, освобождаются немедленно» [Декрет... 1917].

21 февраля 1918 года СНК РСФСР принимает декрет «Социалистическое отечество в опасности!», провозгласивший переход к чрезвычайным мерам и допуская возможность применения расстрела на месте. 16 июня 1918 года вышло постановление, что революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюционным саботажем не связаны никакими ограничениями. Трибуналам предоставлялось право выносить приговоры к расстрелу. Первый приговор к расстрелу революционным военным трибуналом был вынесен в отношении бывшего начальника военно-морских сил Балтийского флота контр-адмирала А. Щастного, который был признан виновным в подготовке контрреволюционного переворота на Балтийском флоте.

* * *

Бабель дал свое объяснение этой странности политика, который не чувствовал, практически не видел происходящего, хотя, казалось бы, был в самом центре событий. У Бабеля есть небольшой очерк «Линия и цвет», в котором он показал слабость Керенского, вроде бы физиологическую, но это мощная гипербола, объясняющая его постоянное наступание на грабли. Он рассказывает, что познакомился с Керенским в 1916 году в санатории недалеко от Гельсингфорса. И вдруг Бабель замечает близорукость Керенского. И происходит между ними такой разговор:

— Я знаю здесь всех, — ответил Керенский, — но я никого не вижу.

— Вы близоруки, Александр Федорович?

— Да, я близорук.

— Нужны очки, Александр Федорович.

— Никогда.

Тогда я сказал с юношеской живостью:

— Вы не только слепы, вы почти мертвы. Линия, божественная черта, властительница мира, ускользнула от вас навсегда. Мы ходим с вами по саду очарований, в неопишемом финском лесу. До последнего нашего часа мы не узнаем ничего лучшего. И вот вы не видите обледенелых и розовых краев водопада, там, у реки. Плакучая ива, склонившаяся над водопадом, — вы не видите ее японской резьбы <...> Купите очки, Александр Федорович, заклинаю вас.

— Дитя, — ответил он, — не тратьте порошу. Полтинник за очки — это единственный полтинник, который я сберегу. Мне не нужна ваша линия, низменная, как действительность. Вы живете не лучше учителя тригонометрии, а я объят чудесами даже в Клязьме <...> Весь мир для меня — гигантский театр, в котором я единственный зритель без бинокля. Оркестр играет вступление к третьему акту, сцена от меня далеко, как во сне, сердце мое раздувается от восторга, я вижу пурпурный бархат на Джульетте, лиловые шелка на Ромео и ни одной фальшивой бороды... И вы хотите ослепить меня очками за полтинник <...>

А Александра Федоровича я увидел через полгода, в июне семнадцатого года, когда он был верховным главнокомандующим российскими армиями и хозяином наших судеб.

В тот день Троицкий мост был разведен. Путиловские рабочие шли на арсенал. Трамвайные вагоны лежали на улицах плашмя, как издохшие лошади.

Митинг был назначен в Народном Доме. Александр Федорович произнес речь о России — матери и жене. Толпа удушала его овчинами своих страстей. Что увидел в оцетинившихся овчинах — он, единственный зритель без бинокля? Не знаю. Но вслед за ним на трибуну взошел Троцкий, скривил губы и сказал голосом, не оставлявшим никакой надежды:

— Товарищи и братья... [Бабель 1991: 106—104]

Возможно, если бы у Керенского были очки, то не случился бы «не оставлявший никакой надежды» голос Троцкого. Речь, конечно, *о духовной слепоте, о нежелании* видеть происходящее вокруг него.

Но почему? Так верил в свою звезду?

Кроме трезвого Бабеля, романтической Цветаевой, личного секретаря премьера Каннегисера был и гениальный Борис Пастернак, написавший стихи о всех вождях страны, но так, что это не выглядело прямым подхалимажем. В стихотворении «Весенний дождь» Пастернак описывает концерт-митинг 26 мая 1917 года на Театральной площади в Москве по случаю приезда Керенского.

Усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил
Лак экипажей, деревьев трепет.
Под луною на выкате гуськом скрипачи
Пробираются к театру. Граждане, в цепи!

Лужи на камне. Как полное слез
Горло — глубокие розы, в жгучих,
Влажных алмазах. Мокрый нахлест
Счастья — на них, на ресницах, на тучах.

Впервые луна эти цепи и трепет
Платьев и власть восхищенных уст
Гипсовую эпопею лепит,
Лепит никем не лепленный бюст.

В чем это сердце вся кровь его быстро
Хлынула к славе, схлынув со щек?
Вон она бьется: руки министра
Рты и аорты сжали в пучок.

Это не ночь, не дождь и не хором
Рвущееся: «Керенский, ура!»,
Это слепящий выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера.

Это не розы, не рты, не ропот
Толп, это здесь, пред театром — прибой
Заколебавшейся ночи Европы,
Гордой на наших асфальтах собой.

Сталин назвал Пастернака «небожителем» в том смысле, что в жизни тот ничего не понимал. Всей своей

жизнью поэт доказал справедливость этой характеристики. Керенского он не угадал, как не угадал Ленина и Сталина, тоже возвеличив их. Но премьер Временного правительства еще не добрался до самой вершины. А потому ему легче было сломаться. Тем более что в отличие от двух советских вождей в нем еще оставалась совесть, которая ослабляла его, что, однако, не мешало ему вкушать радости жизни.

Медные трубы портят всех, даже шиллеровских мальчиков. «Ласковая кобра» Зинаида Гиппиус была зорка и очень приметлива, замечая то, что другие не видели, и кусала беспощадно. В дневниковой записи от 9 августа 1917-го она описала капуанское разложение Керенского, подтвердив заодно и наблюдение Бабеля (которого она, конечно, не знала, но тем интереснее совпадение):

Поразительно: Керенский точно лишился всякого понимания. Он под перекрестными влияниями. Поддается всем чуть не по-женски. Развратился и бытовым образом. Завел (живет — в Зимнем Дворце!) «придворные» порядки, что отзывается несчастным мещанством, *parvenu*.

Он никогда не был умен, но, кажется, и гениальная интуиция покинула его, когда прошли праздничные, медовые дни прекраснотушия и наступили суровые (ой, какие суровые!) будни. И опьянел он... не от власти, а от «успеха» в смысле шалашинском. А тут еще, вероятно, и чувство, что «идет книзу». *Он не видит людей. Положим, этого у него и раньше не было, а теперь он окончательно ослеп* (курсив мой. — В. К.) (теперь, когда ему надо выбирать людей) [Гиппиус 2004: 159].

Два порока очевидны: слепота (физическая и моральная) и тщеславие (подчеркиваю: не честолюбие, а тщеславие). Два эти порока оказались сплетены в его натуре, видны всем. Особенно после того, как к нему привыкли, эйфория ушла, и стали замечать темные пятна. Княгиня О. Палей писала о Керенском:

Он назначил себя военным министром и министром-президентом. Он буквально разрывался, ездил на фронт, говорил

там речи, возвращался обратно, опять говорил, уезжая в Москву, в Севастополь, куда его призывало волнение моряков, и производил впечатление белки в колесе.

В это время Ленин не довольствовался разговорами. Он действовал почти открыто, и его приверженцы с каждым днем становились все более многочисленными. Керенский, ослепленный своей мнимой славой, ничего больше не видел и не слышал. Не отказывая себе ни в малейшей фантазии, он поселился в Зимнем дворце и спал на кровати императора Александра III. Этот возмутительный поступок создал ему еще больше врагов, чем раньше. Владимир написал на эту тему едкую сатиру в стихах под названием «Зеркала», где он огненными словами клеймил Керенского <...> Многие монархисты начинали желать захвата власти Лениным и его сторонниками, для того только, чтобы свергнуть ненавистного Керенского. Они исходили из принципа: «Чем хуже, тем лучше». Наконец 4 июля большевики «испробовали свои силы», напав на Временное правительство; нападение на этот раз не имело успеха, потому что массы, хотя и развращенные, не доросли еще до большевизма [*Страна...* 1991: 203–204].

Приведу эти стихи ее сына — Владимира (незаконного сына великого князя Павла Александровича, вскоре сброшенного большевиками в шахту в Алапаевске вместе с другими членами царской семьи):

Зеркала в тиши печальной
Зимнего дворца
Отражают взгляд нахальный
Бритого лица.
В каждом зале без отличья,
В каждом уголке
Смотрит на свое величье
Некто в пиджаке.
И, предавшись ослепленью,
Мнит герой страны,
Что затмит своею тенью
Тени старины,
Что дорога власти пышной
Перед ним легла,
Но в ответ ему чуть слышно
Шепчут зеркала:

«Что твои пустые сени,
Дерзостный пришлец,
Торжеством былых столетий
Защищен дворец...»

Известнейшая революционерка Лариса Рейснер, поэтесса, комиссар большевиков на флоте и т. п., героиня пьесы В. Вишневского «Оптимистическая трагедия», почти в унисон с княгиней Палей писала о бытовом поведении премьер-министра:

О частной жизни Керенского во дворце, о бесчисленных признаках бестактности по отношению к собственности Романова мы не станем здесь говорить. Бог с ним. Все это дурно пахнет. Но вот мелочь, пустяк, а какой характерный. У Николая II был собственный бильярд. При отъезде в Тобольск шары слоновой кости, как личное имущество, были уложены и приготовлены к отправке. Министр приказал их вернуть и, как говорят сторожа, «собственноручно изволили забавляться».

И так во всем. Начиная с уборной и кончая библиотекой. Мы бы хотели знать, зачем вообще нужно было вселяться в Зимний дворец? Зачем нужно было есть и спать по-царски: попирать ногами изящество и роскошь, которыми имеет право распоряжаться только народ, которые принадлежат будущему, как музей Александра III, как Эрмитаж и Третьяковская галерея [А. Ф. Керенский... 2016: 343].

Иными словами, уходит миф о герое, рождается иной миф — о предателе России. Уже потом революционный поэт Маяковский в поэме «Хорошо!» скажет о том же. Эта позиция мещанина во дворянстве, игравшего немножко в Бонапарта, раздражала всех:

Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
не думал
о вертлявом постреле,

улицах города расправлялись с офицерами, грабежи стали нормой жизни. Корнилов заключен в тюрьму.

«Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи» — констатировал Блок в поэме «12».

Деникин в «Очерках русской смуты» писал:

Керенский, фактически сосредоточивший в своих руках правительственную власть, очутился в особенно трудном положении: не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок в стране. Но добровольное принятие указанных командованием мер вызвало бы полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть и которая, невзирая на сказанное, все же, как это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но единственной опорой [А. Ф. Керенский... 2016: 401–402].

Несомненно, Керенский боялся, что генерал создаст новую точку власти, станет явным лидером типа настоящего Бонапарта, хотя Корнилов думал лишь обеспечить народу путь к Учредительному собранию и сохранить его, пока не случатся реальные выборы. И победа над Корниловым Керенского, который организовал сопротивление генералу, вооружив даже большевиков, бесспорно вела к преобладанию большевиков, для которых Корнилов стал жупелом, символом восстановления царского режима.

Но кроме предательства генерала Корнилова было пятно на совести у человека, живущего отныне в царской опочивальне. Думаю, совесть постоянно ему твердила о предательстве царя и его семьи, в чем он бесконечно оправдывался:

Правда ли, что мы могли и не захотели спасти жизнь царской семьи своевременной отправкой ее за границу вообще и в Англию в частности? Этот вопрос интересовал очень многих; обсуждался в иностранной печати, и я считаю своевременным теперь объяснить, почему в конце лета 1917 года Николай II и его семья оказались не в Англии, а в Тобольске.

Вопреки всем сплетням и инсинуациям, Временное правительство не только *смело*, но и решило еще в самом начале марта отправить царскую семью за границу. Я сам 7 марта (20) в заседании московского Совета, отвечая на яростные крики: «Смерть царю, казните царя», сказал: «Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам доведу его до Мурманска». Это мое заявление вызвало в некоторых советских кругах обеих столиц взрыв возмущения. Не успел еще я вернуться в Петроград, как глубокой ночью вооруженная, с броневиком, как потом оказалось, самозваная советская делегация ворвалась в Царскосельский дворец и требовала предъявления ей царя с явной целью его увоза. Сделать это ей не удалось.

Но Временное правительство после этого изъяло охрану царя из ведения военного министерства и командующего войсками генерала Корнилова и возложило эту тягчайшую обязанность на меня — министра юстиции.

Впредь случаев, подобных описанному, не повторялось. Однако, признавая пребывание царской семьи у самой столицы и вообще в России не обеспеченным от всяких случайностей при всяких возможных политических потрясениях и переменах, Временное правительство озабочено было подготовкой выезда обитателей Александровского дворца за границу и вело соответствующие дипломатические переговоры с лондонским кабинетом.

Однако уже летом, когда оставление царской семьи в Царском Селе сделалось совершенно невозможным, мы, *Временное правительство*, получили категорическое официальное заявление о том, что до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен.

Утверждаю, что если бы не было этого отказа, то Временное правительство не только «посмело», но и вывезло бы благополучно Николая II и его семью за пределы России, так же, как мы вывели его в самое тогда в России *безопасное место* — в Тобольск. Несомненно, что если бы корниловский мятеж или октябрьский переворот застали бы царя в Царском, то он бы погиб не менее ужасно, но почти на год раньше [Керенский 2007: 300—301].

Разумеется, если бы Керенский не боялся поссориться с Советами (повторю наблюдение Деникина), то он мог бы призвать обожавших его солдат и проводить царя и его семью, как и обещал, до границы. Но есть не физическая трусость, а гражданская. Та трусость, которой от Керенского не ожидали, верили ему. Но именно она сыграла решающую роль. А потом много лет он придумывал себе разнообразные оправдания. И *очень* кстати оказался и отказ английского правительства. Что касается Англии, то еще Столыпин предупреждал, что надо относиться к Великобритании с опаской. Родственница царской семьи княгиня О. Палей писала:

В Петербурге в начале революции рассказывали, что Ллойд-Джордж, узнав о падении царизма в России, сказал, потирая руки: «Одна из целей, которую преследовала Англия, ведя войну, достигнута...» Странная союзница Великобритания, которой всегда надо было бы опасаться, потому что на протяжении трех веков русской истории враждебность Англии проходит красной чертой [*Страна...* 1991: 183].

Керенский же делал вид, что удивлен, хотя дружил с английским послом В. Бьюкененом, который не последнюю роль сыграл в судьбе русской монархии.

Но все оправдания снимаются рассказом княгини О. Палей, *как* он отправлял царя и его семью в Тобольск:

Керенский сначала убедил царскую семью в том, что они, согласно собственному желанию, поедут в Крым. Этот человек был воплощением лживости! Каково же было изумление царской фамилии, когда им посоветовали «взять как можно больше мехов и зимней обуви!» И только в день, назначенный для отъезда, им объявили, что Совет рабочих и солдатских депутатов избрал местом их пребывания город Тобольск в Сибири! Отчаяние семьи было безгранично. Все они обожали Крым и надеялись, что южное солнце и прекрасная природа заставят их если не забыть, то, по крайней мере, легче перенести их мучительные испытания. А отъезд в Сибирь был ссылкой и низкой мстью жалких и злобных людей, которые посылали их туда, где раньше жили каторжники...

Отъезд был назначен на час ночи с 31 июля на 1 августа. Керенский суетился и бегал, приказывал подавать поезд и отменял приказание, проявляя свою обычную бестолковость. Государь и его семья попросили придворного священника отслужить молебен и, поцеловав в последний раз икону Пресвятой Девы, принесенную для этого из церкви Знаменья, сидели, одетые, терпеливо ожидая часа отъезда. Государь, привыкший повелевать, подчинялся силе событий. Изнемогая от усталости и волнения, они оставались готовыми к отъезду до шести часов утра. Наконец они покинули дом, в котором жили с первого дня брака, где родились их дети и где они были счастливы; они разлучились с верными слугами, которые горько плакали, прощаясь с ними. Они покидали все это счастливое прошлое для того, чтобы отправиться в неведомую страну, которая казалась им далекой, холодной и печальной... Наконец в шесть часов утра Керенский с важным видом объявил, что «все готово» <...> Прибыв на вокзал, их величества заметили, что поезда у платформы не было, а он стоял так далеко на путях, что его едва было видно. Керенский объяснил этот факт как меру предосторожности. И бедная государыня с больным сердцем должна была идти в течение десяти минут по насыпи, увязая в песке. Подойдя к вагону — это не был уже царский вагон, — государыня не могла достать ступеньки, так велико было расстояние между ней и землей! Не могли даже подумать о том, чтобы принести складную лестницу для того, чтобы облегчить ей этот подъем! После больших усилий бедная женщина взобралась и, бессильная, всей своей тяжестью упала на площадку вагона [*Страна...* 1991: 205—207].

Расплата пришла скоро. Наступило 25 октября, и Керенский из Зимнего сбежал в машине американского посла, пообещав привести подмогу. Разумеется, подмоги не было. Даже когда 31 октября Савинков звал его собрать сопротивление большевикам, он был совершенно ничтожен:

Вечером я прошел попрощаться с Керенским и напомнить ему его обещание подождать от меня известий и воздержаться пока от переговоров с большевиками. Керенский лежал на диване в одной из комнат Гатчинского дворца. В камине горел огонь. У камина, опустив головы, молча, в креслах сидели его адъютанты поручик Виннер и капитан второго ранга Кованько.

Керенский не встал, когда я вошел. Он продолжал лежать и, увидев меня, сказал:

— Не ездите.

— Почему?

— Вы никуда не доедете. Мы окружены.

— Я в этом не уверен.

— Я имею сведения.

— Я все-таки поеду.

— Не нужно. Оставайтесь здесь. Все пропало.

Тогда я сказал:

— А Россия?

Он закрыл глаза и почти прошептал:

— Россия? Если России суждено погибнуть, она погибнет... Россия погибнет... Россия погибнет... [Савинков 2006: 396]

Императорская и тем более демократическая Россия погибла. Как писал Степун, демократия не научилась защищать себя, рассчитывая на силу слова, создающего миф. А миф — это явление страшное, если мы откажемся от высокоумных рассуждений философской молодежи. Не могу не привести верную, на мой взгляд, мысль Н. Бердяева: «Коллективные массовые движения всегда вдохновлялись мифологией, а не наукой» [Бердяев 2006: 207]. И массы теперь получили новый миф — о новом (после царя) изменнике России. Судьба премьера, в сущности, была решена, толпа его уже не хотела, он потерял солдатскую любовь. Но поэты, лучшие наши поэты, не знавшие всех хитросплетений его поступков, видели в нем теперь трагического героя, который идет в ад и ведет туда за собой Россию. Мандельштам воспринимал Керенского как противостоящего московско-азиатской дикости, кому угрожают почти доисторические рыла, — «На скифском празднике, на берегу Невы, — / При звуках омерзительного бала» — почти Спасителя, которого ненавидит чернь.

Когда октябрьский нам готовил временщик
Ярмо насилия и злобы
И оцетинился убийца-броневик,
И пулеметчик низколобый.

— Керенского распять! — потребовал солдат,
И злая чернь рукоплескала:
Нам сердце на штыки позволил взять Пилат,
И сердце биться перестало!

И укоризненно мелькает эта тень,
Где зданий красная подкова;
Как будто слышу я в октябрьский тусклый день:
— Вязать его, щенка Петрова!

Среди гражданских бурь и яростных личин,
Тончайшим гневом пламенея,
Ты шел бестрепетно, свободный гражданин,
Куда вела тебя Психея.

И если для других восторженный народ
Венки свивает золотые, —
Благословить тебя в далекий ад сойдет
Стопами легкими Россия.

Ноябрь, 1917

Был в России весьма умный французский посол Морис Палеолог, человек без иллюзий и оболъщений. В самом начале возвышения Керенского он записал: «В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина» [Палеолог 1991: 466]. К этому стоит добавить еще один взгляд со стороны — британского дипломата и писателя Роберта Локкарта, делившего с Горьким красавицу Марию Будберг: «Керенский явился символом, необходимой интермедией между царской войной и большевистским миром. Его поражение было неизбежно» [А. Ф. Керенский... 2016: 191].

Уже позже, в 1918 году, описанном Михаилом Булгаковым в «Белой гвардии», имя Керенского произносилось русскими офицерами, еще желавшими сохранения русской государственности, с нескрываемом презрением. Главный герой романа говорит:

Я, — вдруг бухнул Турбин, дернув щекой, — к сожалению, не социалист, а... монархист. И даже, должен сказать, не могу выносить самого слова «социалист». А из всех социалистов больше всего ненавижу Александра Федоровича Керенского.

Надо добавить, что Керенский и впрямь был неуловим, как миф, как фантом. Степун вспоминал:

Помню, что мы ночи напролет ждали Керенского в отделе, но не помню, чтобы он хоть раз появился у нас. О том, чтобы подробно изложить ему план своей деятельности и получить от него санкцию на проведение необходимых мероприятий, нечего было и думать. Неустанно носясь над хаосом революции, он был вездесущ, а потому и неуловим [Степун 2000а: 375].

России не хватало Столыпина, которого Николай II, в сущности, сдал террористам. Столыпин — это особый тип человека, способного держать государство. Такие люди, как Столыпин, в мировой истории единичны. Жизнь их особая. Великий русский философ и писатель Василий Розанов написал о трагически погибшем премьер-министре:

«Политика» — это не мудрость. Политика — это ярость <...> Кто это может понять? Никто <...> Екатерина понимала. Понимал Шешковский. Понимал вот Столыпин. Понимал Цезарь. Понимают люди каких-то совсем не наших «измерений» — не тех добрых и милых «измерений», в которых люди пьют чай с сахаром, ходят в гости друг к другу, пишут статьи в газетах и журналах. Ум их, душа их, сердце — из какой-то темной бронзы, как и их памятники [Розанов 2011: 268].

Темной бронзы в душе и сердце Керенского не было. Но со смертью не договоришься. С бандитами, наводнившими Россию, это тоже было практически невозможно. Словоговорением Керенский замещал дела. Та Россия, которую он думал защитить, в результате пропала. В русской литературе образ слабовольного интеллигента — от Алексея Спиридоновича Тишина (Эренбург) до Васисуалия Лоханкина (Ильф и Петров) — не случаен.

Сбежавший вначале в Европу, потом в США, Керенский много писал, сотрудничал в газетах и журналах, выпустил несколько книг. У него было две задачи.

Первая: показать губительность для России правления Ленина. Вот как он оценивал его:

Государственная измена Ленина, совершенная им в самый разгар войны, исторически бесспорный и несомненный факт.

Конечно, Ленин не был вульгарным, в обычном смысле слова, агентом Германии. «Буржуазное» отечество он не считал своим отечеством и никаких по отношению к нему обязательств в себе не чувствовал. Измышленная же им теория поражения вообще и поражение царской монархии «в первую очередь» психологически вполне подготовила его к осуществлению его теорий путями, которые на обычном языке «буржуазной» государственности именуется предательством и изменой.

Нужно сказать, что самая чудовищность преступления Ленина сделала его настолько невероятным в сознании обыкновенного честного человека, что до сих пор еще огромное большинство людей не может поверить в факт. А между тем он подтвержден сейчас уже и совершенно определенными признаниями в воспоминаниях Гинденбурга, Людендорфа и генерала Гофмана, ближайшего руководителя всех немецких операций на русском фронте, и разоблачением Эдуарда Бернштейна.

Я не буду здесь приводить всех соответствующих выдержек из опубликованных работ упомянутых только что трех немецких генералов. Достаточно следующих немногих слов генерала Людендорфа: «Наше правительство, *послав Ленина в Россию*, взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала» [Керенский 2014: 30].

Вторая задача: оправдать себя в истории с Корниловым и отправкой царя в Тобольск. Ведь очевидно, что в ситуации массового насилия оставить царя в России значило обречь его на смерть. В порядочность Ленина и большевиков он верить не мог. И все же делал вид, что с царем он поступил правильно.

Но вот отрывок из интервью Марии Городовой с епископом Егорьевским Тихоном (Шевкуновым):

- *Можно ли было избежать победы большевиков в 1917-м?*
- Ровно с этими словами в 1964 году один американский журналист обратился к Александру Федоровичу Керенскому.

Тот ответил: «Можно. Для этого надо было расстрелять всего одного человека». — «Ленина?» — «Нет, Керенского», — ответил Александр Федорович [Городова 2015].

Это опять к теме позднего раскаяния. Но на самом деле даже реализация предложения Керенского вряд ли бы что-то решила: общее безумие достигло в те месяцы поистине всепоглощающих масштабов.

Врнемся в заключение к Гоголю, который искал лидера для России, но все лидеры оказывались «ревизорами». Приведу слова городничего из заключительной сцены «Ревизора»: «Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит самому себе кулаком.*) Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека!»

Ошибка вполне человеческая. Но для страны катастрофическая.

Литература

А. Ф. Керенский: Pro et contra: личность и деятельность А. Ф. Керенского в оценке современников: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Николаева. СПб.: РХГА, 2016.

Бабель Исаак. Сочинения в 2 тт. / Сост. А. Пирожкова. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991.

Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире // *Бердяев Н. А.* Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С. 159–288.

Гиттиус Зинаида. Дневники. Минск: Харвест, 2004.

Городова М. Лента времени. Когда история не разделяет, а объединяет // Российская газета. 2015. 18 ноября. URL: <https://rg.ru/2015/11/19/istoriya.html> (дата обращения: 05.09.2017).

Декрет об отмене смертной казни (принят II Всероссийским Съездом Советов 28.10.1917) // URL: <http://www.zaki.ru/pages.php?id=2126> (дата обращения: 05.09.2017).

Керенский А. Ф. Дневник политика. М.: Интелвак, 2007.

Керенский А. Ф. Потерянная Россия. М.: ПрозаиК, 2014.

Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции / Перевод с франц. Д. Протопопова, Ф. Ге. М.: Политиздат, 1991.

Розанов В. В. Перед гробом Столыпина // *Розанов В. В.* Собр. соч. / Общ. ред. А. Николюкина. Т. 21. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. М.: Республика, 2011. С. 267–272.

Савинков Борис. Воспоминания террориста. М.: Вагриус, 2006.

Смирнов И. П. Превращения смысла. М.: НЛО, 2015.

Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией. М.: Колибри, 2016.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000а.

Степун Ф. А. Сочинения / Сост., вступ. ст., прим. В. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000б.

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. / Сост., предисл., прим. С. М. Исхакова. М.: Книга, 1991.

References

Berdyayev, N. (2006). The fate of man in the modern world. In: N. Berdyayev, *Spirit and reality*. Moscow: AST; Kharkiv: Folio, pp. 159-228. (In Russ.)

Decree on abolition of the death penalty (adopted by the 2nd All-Russian Congress of Soviets on 28 Oct. 1917). [online] Zaki.ru. Available at: <http://www.zaki.ru/pages.php?id=2126> [Accessed 5 Sep. 2017]. (In Russ.)

Gippius, Z. (2004). *Diaries*. Minsk: Harvest. (In Russ.)

Gorodova, M. (2015). Timeline. When history does not separate, but unites instead. *Rossiyskaya Gazeta*, 18 Nov. Available at: <https://rg.ru/2015/11/19/istoriya.html> [Accessed 5 Sep. 2017]. (In Russ.)

Iskhakov, S., ed. (1991). *The country is dying today. Reminiscences of the February Revolution of 1917*. Moscow: Kniga. (In Russ.)

Kantor, V., ed. (2000). *The works of F. Stepun*. Moscow: ROS-SPEN. (In Russ.)

Kerensky, A. (2007). *The diary of a politician*. Moscow: Intelvak. (In Russ.)

Kerensky, A. (2014). *Lost Russia*. Moscow: Prozaik. (In Russ.)

Nikolaev, A., ed. (2016). *A. F. Kerensky: Pro et contra: Personality and work of A. F. Kerensky as assessed by his contemporaries: An anthology*. St. Petersburg: RKhGA. (In Russ.)

Paléologue, M. (1923). *Tsarist Russia on the eve of the revolution*. Translated by D. Protopopov and F. Ge. Reprint, Moscow: Politizdat, 1991. (In Russ.)

Pirozhkova, A., ed. (1991). *The works of Isaac Babel (2 vols). Vol. 1*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

Rozanov, V. (2011). At Stolypin's coffin. In: A. Nikolyukin, ed., *The collected works of V. Rozanov. Vol. 21. Terror against Russian nationalism. Articles and essays of 1911*. Moscow: Respublika, pp. 267-272. (In Russ.)

Savinkov, B. (2006). *Memoirs of a terrorist*. Moscow: Vagrius. (In Russ.)

Smirnov, I. (2015). *The transformations of meaning*. Moscow: NLO. (In Russ.)

Solzhenitsyn, A. (2016). *Reflections on the February Revolution*. Moscow: Kolibri. (In Russ.)

Stepun, F. (2000). *The fulfilled and unfulfilled*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

Kerensky as the phantom of the 1917 Russian revolutions

Through the eyes of Russian writers and poets

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-170-198

Vladimir K. Kantor

Doctor of Philosophy

National Research University – Higher School of Economics

International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue (National Research University – Higher School of Economics)

(21/4 Staraya Basmanaya St., Moscow, 105066, Russia;

email: vlkantor@mail.ru)

Abstract: Vladimir Kantor is examining the tragic and life-changing situation in Russia in 1917, the year of two revolutions, when Russian literature found itself in search of a new hero who could lead the country out of the catastrophe. Starting from March 1917, many writers believed they had found such a person in Aleksandr Kerensky. Russian poets and writers in unison hailed Kerensky as the new Napoleon, who would rein in the Russian revolt just like Napoleon did with the French one. Kerensky was aware only of the positive implications of this comparison. The article reveals the politician's true role through comparative analysis of characterizations by his contemporaries.

He began to live up to the phantom and act in the way that his admirers expected from him, losing his identity in the process. He surrounded himself with prominent figures, appointing the famous Social Revolutionary, terrorist and writer Boris Savinkov as his war minister. As the army commissar for ideology he selected Fyodor Stepun, a writer and philosopher. Most prominent artists from that period were all commissioned to paint Kerensky's portrait. According to Stepun, Kerensky's speeches were typified by an almost Schillerean ecstasy.

But it was his most liberal law system that spelled doom for Russia and himself. The French National Convention rested upon terror and the guillotine, while Kerensky issued a decree abolishing the death penalty in Russia. In war times, amid raging banditry and with a disintegrating army, this decree proved to cause more irreparable damage than some of Peter I's most ill-advised laws, and Kerensky used to hold Peter in high esteem. He relied on the power of rhetoric, which had propelled him to prominence during the February revolt, but the times had changed. He was nicknamed 'negotiator-in-chief', yet his skills were no longer effective with the mob. The mob was waiting for a show of strength and an order.

Keywords: A. Kerensky, B. Savinkov, February revolution, Russian poets and writers, parvenu, the Bolsheviks' victory.

The article was received on 24 September 2017.

The study has been funded by the Russian Academic Excellence Project 5–100.